

ПРОЛОГ

авным-давно, в стародавние времена, простиралось по миру множество земель нехоженных, и жили там люди ранее невиданные.

Где-то в далекой пустоши высоко в небе висел необъятный огненный шар. Алые лучи, что он источал, походили на мятущиеся длинные языки пламени, которые медленно, но верно расползались по округе. Снег на равнине уже растаял, и на талой земле, куда ни глянь, пробивалась молодая поросль мха, своим видом напоминая рубцы от ожогов. Вокруг царила тишина, и лишь изредка то тут, то там доносились крики ястребов да топот скачущих вдали дзеренов.

Трое незнакомцев ступили на просторы необъятной равнины, собравшись под невысоким деревом, встретить которое в пустоши доводилось нечасто. Не удосужившись обменяться друг с другом приветствиями, незнакомцы склонили головы в молчаливом согласии, будто у их ног было нечто любопытное, заслуживающее пристального внимания и осмысления.

Вокруг оголенных корней дерева, торчащих из-под промерзлой почвы, сражались две колонии муравьев. Быть может, из-за того, что одной из них было не под силу сыскать в пустоши другое столь же благоприятное для существования место, схватка за несчастный клочок земли выдалась на редкость ожесточенной. За считанные мгновения от нескольких тысяч удалых бойцов остались лишь безжизненные тельца. Вероятно, раскинувшаяся перед странниками картина должна была предстать необычайно кровавым и жестоким зрелищем, однако на деле им довелось созерцать лишь небольшое черное пятно.

Несмотря на пронизывающий холод, трое незнакомцев стояли, облаченные в легкие не по погоде одежды, и, будто бы вовсе не страшась околеть, продолжали испытывать клочок

земли под ногами пронизательными взглядами. Неизвестно, сколь долго они провели за сим занятием, пока один из них вдруг тихо не пробормотал:

— В суетном мире муравьев на что похоже Великое Дао?

Незнакомец, сказавший это, оказался невысок и худощав. Он мало походил на зрелого мужчину, куда больше на подростка, поскольку выглядел довольно-таки юным и неопытным. Путник носил простые, не сковывающие движения голубовато-белые одежды без воротника, а за спиной — ничем не примечательный деревянный меч без ножен. Его волосы цвета воронова крыла были аккуратно зачесаны и собраны в пучок, закрепленный деревянной заколкой, которая, казалось, в любой момент может выскользнуть из прически. Впрочем, не меньше она напоминала сосну, прочно пустившую корни на крутом горном склоне.

— Как-то раз, когда главный настоятель читал проповедь, мне довелось узреть несметное количество муравьев. Поднимаясь высоко над землей, они купались в ярком свете.

Эти слова принадлежали молодому монаху, одетому в истрепанную хлопковую цзяша. Заметно отросшие короткие черные волосы на бритой голове придавали его облику решимости.

— По итогу муравьи, коим случилось ощутить прелесть полета, непременно окажутся на земле. Им вовек не достичь небес, — покачав головой, возразил юноша с деревянным мечом за спиной.

— Покуда придерживаешься подобных воззрений, тебе не постичь глубинных истин сердца Дао, — спокойно ответил молодой монах, из-под полуприкрытых глаз продолжая взирать на истерзанные муравьиные тельца у своих ног, и затем продолжил: — Слышал, недавно твой учитель взял под опеку ребенка из рода Чэнь. Стало быть, ты должен понимать, что не сможешь оставаться единственным одаренным послушником монастыря Чжишоу вечно.

— Чего я никак не могу взять в толк, по какому такому праву столь разнузданный человек, как ты, представляет интересы храма Сюанькун.

Откровенные подначивания собеседника молодой монах оставил без внимания, пропустив мимо ушей. Вместо этого, глядя на беспокойно мельтешащих у ног насекомых, он ответил:

— Как ты и сказал, муравьи склонны не только парить, но и падать. Однако лучше всего им удастся цепляться и карабкаться, а также прокладывать путь своим товарищам. Не страшась смерти, они смело принесут себя в жертву, воздвигая из собственных тел высокую гору, и так со временем достигнут небесного свода. Для сего подвига нужно лишь достаточное количество муравьев.

Внезапно в полночном небе раздался полный страха и гнетущего смятения крик ястреба. Неизвестно, что напугало его больше: собравшиеся у дерева трое таинственных странников или же их рассказы о несуществующей горе муравьев, простиравшейся до неба. Быть может, причина заключалась в чем-то еще.

— Мне очень страшно, — тихо отозвался юноша с мечом за спиной и зябко поежился, ссутулив худые угловатые плечи.

Кивнув в знак согласия, молодой монах, однако, не изменился в лице, сохранив на нем выражение непреклонной решимости.

Третьим путником, остановившимся под раскидистым деревом, был крепкого телосложения юноша, закутанный в одежды, с виду напоминавшие звериные шкуры. Его обнаженные ноги были крепкими, а икры, казалось, тверды, как скалы. И можно было видеть отчетливый рельеф бугрящихся под грубой кожей мышц, таивших в себе безграничную силу. В отличие от своих попутчиков, он хранил молчание, за все время не обмолвившись ни словом. Тем не менее руки и ноги, покрывшиеся гусиной кожей, выдавали томящиеся у него на сердце подлинные чувства.

Путники, что столпились под деревом, прибыли из трех наиболее загадочных мест Поднебесной. Избранным наставниками, им было суждено странствовать по миру, подобно трем ослепительным звездам, пересекающим небосклон, рас-

простершийся от края до края мира простых людей. Впрочем, даже столь выдающиеся таланты, как они, оказавшись глубокой ночью в пустоши, поддались неподдельному страху.

Ястребам негоже бояться муравьев, в их глазах те не более чем ничтожные черные точки. Муравьям же не пристало страшиться ястребов, поскольку они непригодны им даже в корм. Их маленькому приземленному миру неведомы столь опасные могущественные хищники. Покуда муравьи не видят ястребов, не разумеют они и об их существовании.

Впрочем, за целую вечность среди какой-нибудь колонии непременно найдется несколько смельчаков, которые по непонятным причинам решат на время отвести взор от трухлявых листьев и прелой древесной коры, обратив его в чистое голубое небо. После чего миру, что доселе окружал их, уже не стать прежним.

Увиденное породило страх.

Прекратив наблюдение за муравьями, трое молодых людей подняли головы и устремили взгляд на впадину, пролежавшую в дюжине чжанов¹ от них. Впадина та не отличалась глубокой. Строго говоря, в ней не было ничего, кроме непроглядной черноты, особенно четко выделявшейся на фоне бесплодной пустоши.

Впадина неожиданно разверзлась с пару часов назад и протянулась до самого горизонта, напоминая с виду борозду, прорубленную не то небесным созданием, не то демонским отродьем, вооруженным могучим топором. Или, напротив, затейливую тонкую линию, прочерченную божественным творцом, державшим в руке кисть размером со стропило. Словом, впадина та выглядела неизведанной и устрашающей, заставляя невольно содрогнуться от одного только ее вида.

.....
¹ ЧЖАН (寸) — традиционная китайская мера длины, примерно равен 3 м.

— Всегда считал, что Яньло¹ — не более чем старое предание. — Первым тишину нарушил юноша с деревянным мечом, уставившись на чернеющую перед собой полосу тяжелым испытующим взглядом.

— Легенда гласит, что у Яньло по меньшей мере семьдесят тысяч отпрысков. Как знать, быть может, один из них затерялся на необъятных просторах нашего мира.

— Легенды на то и легенды, — безучастно отозвался юноша с мечом за спиной. — Согласно тем же поверьям, каждую тысячу лет среди людей рождается истинный мудрец. Но по прошествии времени кто-нибудь из вас разве слышал о таком?

— Раз в расскази всякие не веришь, отчего же сам не осмеливаешься перешагнуть через впадину?

Еще никто не отважился на сей поступок, сколь бы гордым и сильным он ни был.

Муравьи через впадину переползали, пресмыкающиеся с длинными конечностями — перескакивали, дзерены — перепрыгивали. Покорно отступал перед неведомой угрозой разве что человек.

Вот и путники никак не могли заставить себя переправиться, поскольку были людьми.

— Если предположить, что ребенок — не вымысел, тогда... где бы он мог сейчас находиться? — задал вопрос юноша с мечом, задрал голову и обратив взор к небу.

Поскольку солнце почти полностью скрылось за горизонтом, вечерние сумерки сгущались над пустошью особенно быстро. С наступлением темноты заметно похолодало, и на дикие земли опустилась ледяная душу атмосфера.

— Ночь грядет, где же вы его в такую темень искать собрались? — нарушил долгое молчание путник, облаченный в звериные шкуры. Голос его был низким и грубым, что

¹ Речь идет о Яме (также Яма-раджа, Чойджала, Номун-хан) — в буддизме бог смерти, властелин ада и верховный судья загробного царства.

мало соответствовало юному возрасту. Казалось, он клочкотал в груди, точно переливы волн бурлящей реки. Немного скрипучий, он также напоминал скрежет заржавевшего клинка, непрерывно трущегося о твердый камень.

Обронив короткую фразу, он покинул пустошь, однако крайне примечательным способом.

В какой-то момент, вырвавшись наружу, несколько мелких языков пламени поглотили его крепкие босые ноги и, взметнувшись, окутали нижнюю часть туловища юноши багровым вихрем. Откуда ни возьмись налетели буйные потоки ветра, подхватывая мелкий щебень. Затем, оторвавшись от земли, путник очутился на высоте более десяти чжанов, как если бы чья-то неведомая сила, крепкой хваткой вцепившись в горло мальчишки, подняла того в воздух. С пронзительным свистом юноша опустился обратно на твердую почву, но почти сразу подпрыгнул вновь. Он удалялся, совершая короткие неуклюжие прыжки, двигаясь при этом с необычайной скоростью. Издалека путник напоминал небольшой камень, вопреки всем законам природы пружинящий от земли.

— Знаю только, что он носит фамилию Тан. Однако его полное имя мне неизвестно, — задумчиво пробормотал юноша с деревянным мечом, глядя вслед удаляющемуся молодому мастеру. — Встреться я с ним в другое время и в другом месте, из нас двоих, вероятно, выжил бы только один. Если ученик настолько силен, насколько же велика мощь его наставника?.. Поговаривают, сей достопочтенный мастер последние несколько лет посвятил самосовершенствованию, оттачивая технику, известную как «Двадцатитрехлетняя цикада»¹. Любопытно, сбросив по завершении цикла плотную оболочку, кроется ли он такой же чешуей?

¹ В Древнем Китае цикады считались сверхъестественными созданиями, способными прожить под землей 23 года (на самом деле этот срок не превышает 17 лет) и олицетворяющими необыкновенную стойкость перед невзгодами, долготелie и перерождение.

На какое-то время после размышлений юного мастера в воздухе повисла тишина. Не получив ответа, он озадаченно оглянулся на собеседника.

Молодой монах стоял с закрытыми глазами, и лишь плотно сомкнутые веки безостановочно трепетали, как если бы он лихорадочно обдумывал не дававший покоя вопрос. В действительности он впал в это странное состояние, когда юноша, облаченный в звериные шкуры, заикнулся о грядущей ночи.

Ощутив на себе пристальный взгляд, молодой монах медленно открыл глаза и широко ухмыльнулся. От прежнего спокойствия и решимости не осталось и следа. Вместо этого губы мастера изогнулись в участливой улыбке, а из приоткрытого рта по подбородку заструилась теплая кровь. Плоть внутри, превратившись в истерзанное месиво, представляла собой изрядно пожеванный язык.

Увидев это, другой юноша озадаченно сдвинул брови.

Неспешно сняв с руки церемониальные четки, молодой монах с важным видом повесил их себе на шею, после чего двинулся прочь тяжелой, твердой поступью. Со стороны могло почудиться, что движется странник чересчур медленно, однако уже через несколько мгновений силуэт его сделался нечетким, почти что размытым пятном, готовым вот-вот исчезнуть вдали.

Двое мастеров покинули пустошь, оставив своего знакомого стоять под деревом в одиночестве. Выражение лица мальчика стало вдруг непроницаемым, с него будто схлынули все эмоции. Теперь в облике юноши читалось разве что невероятное спокойствие или, если выразаться точнее, полное безразличие. Обратившись к северу, он устремил взгляд вдаль, где по-прежнему проглядывались то и дело подсакивающие от земли неясные очертания путника в звериных шкурах.

Понизив голос, юный мастер с отвращением выплюнул:
— Нечестивое отродье.

После чего повернулся лицом к западу, проводив взглядом монаха, удалившегося в молчании, с опущенной головой.

Недолго думая, юноша холодно процедил:

— Иноверец.

— Что один, что другой недостойны внимания, — заключил странник.

Ни нечестивое отродье, ни иноверец, в сущности, не представляли для него особого интереса.

Стоило юноше закончить фразу, как деревянный меч за его спиной вдруг завибрировал. Тихонько загудев, оружие с причудливым жужжанием взмыло в воздух. Обернувшись потоком яркого света, оно разрубило дерево на несколько тысяч частей. Будь то ветки или крепкий ствол — все на его пути неизменно превращалось в щепки, что безудержно сыпались на безжизненные тельца муравьев, память о которых навсегда растаяла в холоде той ночной пустоши.

— Стоит молвить слово немому, лепешка из пресной станет соленой. — Напевая себе под нос, юноша выдвинулся на восток, в то время как деревянный меч легко парил в нескольких метрах позади него, смиренно следуя за своим хозяином.

События тех дней развернулись при династии Тан, в первый год эпохи правления под девизом «Тяньци»¹. На земли пустоши небеса ниспослали предзнаменование. Взглянуть на сие редчайшее явление собрались адепты трех учений, однако никому из них так и не удалось постигнуть заложенные в него истины.

С тех пор послушник монастыря Сюанькун, ци Нянь, начал совершенствоваться в безмолвном созерцании и больше не произнес ни слова. Приверженец темного пути, известный под фамилией Тан, по слухам, без вести пропал в пустыне. Адепт обители Чжишоу, Е Су, постигнув мир, пролегающий на границе жизни и смерти, отправился странствовать. Так или иначе все трое что-то да приобрели.

.....
¹ ПЯНЬЦИ (天启) — «Небесное руководство». Девиз правления некоторых китайских императоров.

Однако они не подозревали, что в тот день с наступлением ночи неподалеку от столицы, возле небольшого озера, на другом конце впадины, переправляться через которую никто из них так и не вознамерился, сидел ученый. На нем были истрепавшаяся накидка с теплым подкладом и соломенные сандалии.

Ученый тот, казалось, вовсе не ощущал угрозы и неведомой мощи, исходящих от чернеющей перед ним расщелины. Держа в левой руке книгу, а в правой — деревянный ковш, незнакомец предавался праздному чтению. Порой, чувствуя усталость, он прерывался на отдых. Если же его начинала мучить жажда — делал глоток прохладной воды из черпака. С головы до пят покрытый пылью, ученый беззаботно проводил время в одиночестве.

Когда трое путников, видневшихся вдаль, покинули пустошь, а пески, гонимые ветрами, засыпали неглубокую впадину, ученый поднялся с земли. Небрежно стряхнув пыль с одежды, он привязал деревянный ковш к поясу, а книгу бережно убрал за пазуху. Затем, взглянув в сторону столицы, снова отправился в путь.

Был в Чанъане¹, крупнейшем городе Поднебесной, длинный переулок, по восточную сторону которого располагалась резиденция тунъи-дафу², а по западную — резиденция сюаньвэнь-цзянцзюня³. Быть может, их владельцы не располагали большой властью, однако в высших кругах пользовались

.....
¹ ЧАНЪАНЬ (长安) — вечное спокойствие. Древняя столица нескольких китайских государств и один из крупнейших городов мира того времени.

² ТУНЪИ-ДАФУ (通議大夫) — великий муж исчерпывающих увещеваний. Гражданский чиновник 4-го ранга при дворе династии Тан.

³ СЮАНЬВЭНЬ-ЦЗЯНЦЗЮНЬ (宣威將軍) — командующий, распространяющий грозность. Военный чиновник 4-го ранга при дворе династии Тан.

высоким чиновничьим авторитетом. По обыкновению в перелуке царила необычайная тишина, но сегодняшней день стал исключением.

В резиденции туньи-дафу случилось радостное событие, с деловитым видом туда-сюда сновали повитухи. Однако счастливые лица людей, находившихся под крышей дома, омрачала тень глубокой озабоченности и тревоги. Пожилые служанки, которые торопливо расхаживали с тазами кипяченой воды, иной раз прислушивались к звукам, доносившимся из-за высоких стен, и в глазах их читался неподдельный ужас.

Известный своей доблестью и отвагой, сюаньвэнь-цзянцзюнь Линь Гуаньюань нанес обиду генералу Сяхоу, храбрейшему воину и досточтимому полководцу империи, вследствие чего был низложен и обвинен в сговоре с врагом. На протяжении нескольких месяцев циньван¹ лично допрашивал генерала и наконец-то развязал тому язык.

Строгость вынесенного приговора в полной мере отвечала совершенному деянию. Он также был прост и звучал весьма однозначно — «казнить всю семью генерала».

В тот день главные ворота резиденции туньи-дафу были плотно закрыты. Желая удовлетворить любопытство, управляющий прильнул к небольшому зазору между створками и бросил короткий взгляд на запертые ворота резиденции сюаньвэнь-цзянцзюня, из-за которых изредка доносились звуки тяжелых ударов и рвущейся на части человеческой плоти. Услышав оглушительный хруст ломающихся костей, мужчина почувствовал подступающую к горлу тошноту.

Две семьи соседствовали бок о бок много лет, и управляющий близко знал служащих при дворе генерала, вплоть до привратников. Леденящие душу звуки рисовали перед глазами кровавые картины того, как остро заточенные клинки ловко вспарывают глотки его знакомых; как отрубленные го-

¹ ЦИНЬВАН (親王) — принц крови. Член императорской фамилии; брат или сын императора. Один из высших официальных титулов при дворе династии Тан.